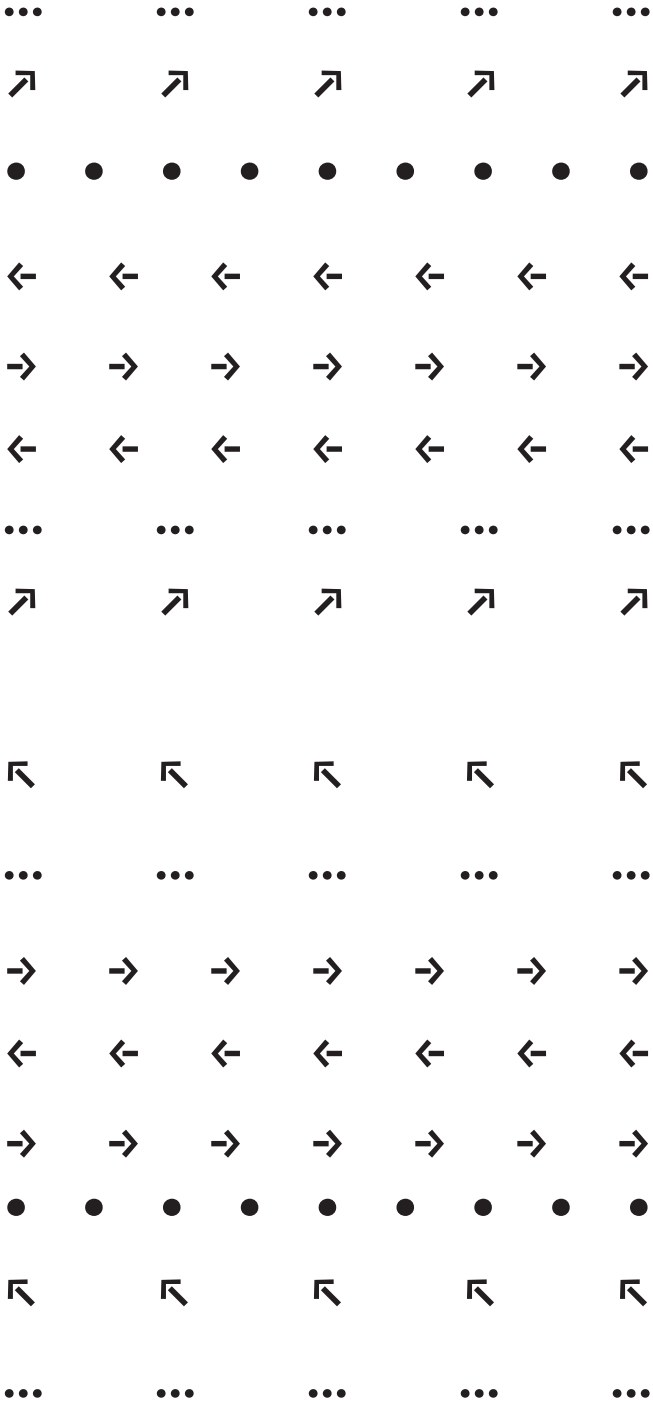

У Р Б А Н
Ф Е М И Н И З М
У Р Б А Н
Ф Е М И Н И З М
У Р Б А Н
Ф Е М И Н И З М
У Р Б А Н
Ф Е М И Н И З М
У Р Б А Н
Ф Е М И Н И З М
У Р Б А Н
Ф Е М И Н И З М
У Р Б А Н
Ф Е М И Н И З М
У Р Б А Н
Ф Е М И Н И З М
У Р Б А Н
Ф Е М И Н И З М

Урбанфеминизм: как вернуться с дискотеки живой? ...и другие секреты ВЫЖИВАНИЯ.

Расшифровка текста дискуссии в рамках неформальной конференции о городских инициативах «ДелайСаммит», 30.05.2015, дизайн-завод «Флакон», Москва.

Александра Талавер:.....

Особенно сложно говорить о каком-то там неравенстве, угнетении по отношению к женщинам в нашем, постсоветском обществе с его в прошлом «государственным феминизмом», где женщины получили права раньше всех прочих стран. Тем не менее есть ощущение, икрепчает оно с каждым выходом в метро, поздним возвращением домой, с попыткой самостоятельно пообедать и, еще сложнее, — выпить, что системы неравных возможностей присутствия девушек/женщин и мужчин в публичном пространстве — сохраняются и, более того — они вмонтированы в плоть городской жизни настолько прочно, что для их выявления нужна особая оптика остранения привычных схем городского существования. В поисках этой оптики мы обратимся к исследованиям и активистским практикам.

Собственно такой постановкой проблемы и обусловлен состав круглого стола. С нами Елена Рождественская — профессор кафедры анализа социальных институтов департамента социологии НИУ ВШЭ, доктор наук; Полина Васильева — психолог, психотерапевт, феминистка; Адэола Энигбокан — художница, исследовательница, писательница, педагог из Нью-Йорка; Ульяна Быченкова — изобретательница нашей тематики, художница, кураторка секции «Урбанфеминизм» на ДелайСаммите, которая открывается этим круглым столом; стрит-арт художницы из группы Ганди; Микаэла — художница, феминистка, активистка; Георгий Мамедов исследователь, куратор из Бишкека; Элла Росман студентка НИУ ВШЭ, ну и Мейк, может быть, что-то добавит тоже.

Саша уже, кажется, сказала все, что я могла бы сказать.

Могу добавить, что интерес к теме «гендер и город» (которую представляет наша секция «Урбанфеминизм» на ДС) для меня является, в первую очередь, прагматическим интересом, поскольку, я — молодая девушка, которой страшно перемещаться по городу в темное время суток ввиду небезопасности (угрозы смерти/изнасилования/грабежа); страшно заводить детей, потому что я боюсь оказаться в социальной (и пространственной) изоляции; страшно стареть, поскольку женщинам в наших широтах предоставлены не равные с мужчинами возможности в эмоциональной и сексуальной самореализации. И очень здорово, что Делай Саммит открыт для таких низовых городских потребностей и инициатив, благодаря чему мы сегодня с вами собрались. Это очень важно, и я вижу большой потенциал в междисциплинарной коммуникации и кооперации между художниками, активистами и исследователями.

Любопытно, кстати, что акции в поддержку идей гендерного равенства и феминистские художественные жесты часто оказываются подобными друг другу — перформативными и символическими, используют прием гендерной инверсии — когда группы мужчин, например, надевают туфли на высоких каблуках, короткие юбки или паранджу чтобы демонстративно прочувствовать на своей шкуре чужой повседневный опыт.

Я бы еще выделила несколько тем, с которыми работают как активисты, так и художники и исследователи в рамках данной проблематики: «Безопасность», которая тесно связана с таким насущным параметром как освещенность (тут можно вспомнить акцию «Вернем себе ночь»); «Репрезентация», к которой можно отнести практики экспертизы и борьбы с сексизмом в наружной рекламе и работа по коммеморации — борьбы с исторической дискриминацией по гендерному признаку (например, можно пересчитывать памятники и улицы с женскими именами в своем городе, так же существует международная акция «Женская историческая ночь»).

Ну и много других вопросов, которые мы, наверное, обнаружим уже по ходу нашей дискуссии. Очень важна еще тема материнства/отцовства в городе и так называемых «чайлд анфрендли пространств». Где есть детские комнаты и пеленальные столики? Только ли в супермаркетах? Как их можно организовать своими силами в учебных заведениях, например? Вот, кстати, в ноябре в Москве появилась такая инициатива «Коворкинг для мам».

КУПИЛ «НЕМКУ»? ЗАСТРАХУЙ ЕЁ БЫСТРО И БЕЗ ПРЕЛЮДИЙ

* Указанная цена действительна для Mercedes C-Klasse без пробегов, стоимостью 1255 500 руб., приобретаемого в автосалонах, мин. стаж вождения дублирующим к управлению 10 лет, возраст 45 лет (тариф от 3,00%). Для автомобилей с пробегом стоимость КАСКО рассчитывается согласно действующим тарифам АльфаФам.
Подобности на сайте www.alfastrah.ru. Размещение на данном носителе высказывания относится не к женщинам, а применимы только к автомобилям.

**АЛЬФА
СТРАХОВАНИЕ**

На всякий страховой случай
alfastrah.ru 8 800 333 0 999

ООО «АльфаСтрахование», Лицензия С № 223777 от 13.12.2004 выдана ФСТС РФ

Елена Рождественская:.....

Это реклама фирмы Альфа-Страхование, которая висела по Москве, будучи разобранной на различные этнические вариации, потому что рекламировались машины различного происхождения: американские, чешские, японские, корейские. Если бы наложили на эту рекламу какой-нибудь русский вариант, например, Ладу-Калину, то это моментально сделало бы её неприемлемой. В чём же невозможность этого русского варианта?

С точки зрения визуальной социологии перед нами текстуальная часть, вербальная, то, что мы на уровне словесном проговариваем в качестве некоего слогана, лозунга и, соответственно, совершенно конкретная вещь: реклама конкретного продукта — в данном случае, авто-страхования. На уровне визуального мы себе позволяем многое, и вообще, большая часть информации съедается через визуальное — до 80%, а остальное приходится на цензурированную вербальную часть. Мы видим милую девушку, далеко не самую сексуально-провокативную, важные части тела прикрыты, но вся её поза, то, как лежат руки, демонстрирует послушную готовность услужить. Она предлагает что-то всем своим видом, и при этом на неё нахлобучена каска, чтобы сыграть светлую роль связующего между системой автострахования и строительной каской. Слоган, который нам предлагают в данном случае: «Купил немку — застрахуй её без прелюдий», на уровне этического оформления, будучи выделенным крупными буквами и имеющий аллюзии на сексуальный акт, более того, андерграундный арго-язык, не оставляет сомнения, в каком качестве этот вроде бы нейтральный и вроде бы не сексистский визуальный образ намеревается быть нам предложенным. Поэтому вся провокация, которая рождается в пересечении смыслов между содержанием визуального и содержанием текстуального, адресована, разумеется, мужчине. Это прочитывается по политике обращения. Поэтому безусловный адресат — мужская клиентура, которая может рассматривать даже не машину, а практически стоящий за рынком маши-

ны, этнический рынок проституции. Обнаруживается опасность того, что это может быть нормализовано, если мы неотреагируем в городском, публичном пространстве на этот посыл. Но что, если мы превратим анализ этой рекламы в некое письменное обращение, вполне по бюрократическим жанровым особенностям. Что мы получим?

Вот ответ от соответствующей инстанции о том, что они не считают это возмутительным, но при этом никто не утруждает себя никакими аргументами. Казалось бы, мы упёрлись в стену. Институциональные режимы показывают нам, что такое можно видеть, такое можно наблюдать, с этим можно продавать продукцию и быть достаточно успешными экономически. Тем не менее, будучи потревоженными, если не каждый год, то каждый месяц, мы, может быть, расшатываем эти режимы, и тогда в публичном пространстве окажется гораздо меньше таких примеров, в которых женщину и её достоинство унижают. Да и мужчин унижают потреблением такого рода рекламы.

Этот пример показывает, что в городском пространстве довольно много социальных провокаций, которые заставляют людей, доходить до уровня самостоятельного воспроизведения этих идей, иногда традиционных, патриархальных.

Интересный пример. Фигура женщины-челночницы — в социальном отношении типаж довольно узнаваемый, хотя уже немного поплёкший, потому что это были сложные 90-ые годы. Женщины, которые кормили семьи, потому что мужчинам было сложно расстаться со своей идентичностью — именно женщины, в первую очередь, торговали, ездили, перепродавали. И вот памятник женщинам-челночницам, пожалуй, только в Минске. У нас же, и в Благовещенске, и в Белгороде, и вот-вот в Екатеринбурге — это памятники мужчинам-челночникам. Касается ли дело объективации женских и мужских ролей или таких языковых режимов, которые вроде бы создают видимые, пронизываемые пространства, а, на самом деле, сегментируют нас на женский и мужской род, на женскую и мужскую культуру — это и является, на мой взгляд, одной из очень важных проблем урбанфеминизма.

Акция «Больше, чем тело» (Киев/2010)

#Большечемтело

Микаэла:.....

Я очень рада слышать Ваш доклад и тому, что существует большая исследовательская группа. Я вижу очень много сексистской рекламы и могу достаточно подробно объяснить, почему она сексистская. Один из самых жёстких примеров, которые я помню из рекламы в московском метро: под новый год девушка сидит в нижнем белье под новогодней ёлкой и слоган, вроде: «Не дала, ну и сиди как дура без подарка!». Эта реклама унижает женщин, это оскорбление.

Если сравнивать нашу ситуацию с ситуаций феминисток 1970-х годов в Америке, как я могу себе это представить, то наша ситуация сильно проигрывает тем, что заявки в институцию недостаточно. Если бы Альфа-страхование выпустило эту рекламу, и на следующий день у всех отделений Альфа-банка стояли по сто разгневанных женщин, кидающих в менеджеров Альфа-банка тухлые яйца с жёстким требованием убрать рекламу, «мы клиентки вашего банка не хотим это видеть», это бы подняло общественную дискуссию, которой нам не хватает. Это воздействовало бы на рекламодателей, на тех, кто делает сексистскую рекламу. Важно иметь активистский, общественный ответ, который бы способствовал возникновению дискуссии хотя бы в либеральных топовых СМИ. Так произошло с дискуссией по поводу «тёлочек», за что спасибо журналистке Белле Рапопорт.

Вот я и перешла к акционизму. Я — феминистская художница, и начинала свою деятельность со стрит-арт проекта. У меня была идея этого проекта и я не знала ни одной институции, где я могла бы это выставить, и я поняла, что есть улица, где можно это сделать. Я не называла это «урбанфеминизм», просто считая это феминизмом. Проект был посвящён реабилитации женской политической истории. Это портреты шестерых политических активисток XIX века с их именами и подписями о том, как они были репрессированы за свою политическую деятельность. Это Вера Засулич, Софья Перовская, Вера Фигнер, Екатерина Брешковская, Мария Спиридонова и Ирина Каховская. Я много читала про женский активизм XIX века, как он работал и был устроен.

К тому, что говорила Елена: у нас действительно гигантская нехватка памятников женщинам. Если быстро вспомнить, на ум приходит только памятник Крупской.

Ульяна Быченкова:.....

Есть книга «Monuments and maidens», авторка которой, Marina Warner, исследует то, что существует очень мало памятников конкретным женщинам, в основном это аллегорические фигуры, как то: «Родина-мать», «Свобода», «Весна» ... и другие. И именно поэтому так важно возвращать в историю биографии конкретных женщин.

Микаэла:.....

Да, я согласна с этим, поэтому я сделала свой проект. Потом я узнала о том, что существует проект «Женская историческая ночь» — активистский, интернациональный проект. Это ночь акции, когда женщины выходят, что называется, «на район», и расклеивают плакаты известных женщин, которые им дороги, о которых они хотят сказать. Это могут быть актрисы, художницы, врачи. Это попытка с низового уровня вернуть себе женскую историю, о которой мы все мало знаем. Интересно было бы обсудить, как это можно осуществить в более масштабном, городском формате, возможно, с привлечением городских властей.

Александра Талавер:.....

При разговоре о символическом измерении представления женщины в городе, всегда, конечно, встаёт вопрос, в какой степени это определяет наше поведение, определяет наше место. Он всегда дискуссионный. Вопрос: сколько бы изнасилований происходило на улицах города, в котором главный парк был бы назван именем Крупской. Этот вопрос остаётся открытым так же, как и вопрос о том, действительно ли отсутствие сексистской рекламы понизило бы уровень уличного насилия.

Сейчас Полина, как психолог и психотерапевт, расскажет о том опыте, который стоит за нашим негодованием по отношению к этим символическим проблемам.

Полина Васильева:.....

Откуда вообще взялось понимание того, что насилие — это важная тема. Мы немного сказали об объективации. Действительно, есть такая важная тема, что всё пространство напичкано объективированными женскими образами. В принципе, женская роль в обществе рассматривается крайне узко. Мы всегда будем сталкиваться с такой системой координат, в которой женщина будет угнетена в самых разных аспектах своего бытия: трудовое угнетение; угнетение женщины как матери; как женщины, которая может стать матерью — навязанная материнская функция. Мы будем встречаться с угнетением отдельно молодых женщин, отдельно — пожилых; отдельно — женщин-мигранток, и тех, которые всегда жили в городе. Очень часто эти типы угнетения будут наслаиваться друг на друга.

Откуда, например, у меня появилось понимание феминизма? Сначала я начала ходить на психотерапевтические группы. Они, чаще всего, женские. Лечебные группы так же женские. (Потом руководителями этих сообществ становятся мужчины, которых никто не видел раньше, которые не учились с нами все эти пять лет. Коллектив, в основном, женский, но потом они откуда-то возникают в качестве деканов, ректоров, руководителей терапевтических сообществ.) Когда приходишь в такую женскую группу, после того, как уже более-менее сформировано доверие, поднимается рука, и женщина рассказывает свою историю. В каждой группе это будет своя история: «мне было 11», «12», «15», «мне было 27», «мне было 40». «Это был сосед», «это был человек, с которым мы дружили», «это был совершенно незнакомый человек». Это происходило: «на улице», «дома», «в подъезде». Не важно, на самом деле, то есть, там будет много разных историй. После того, как эта женщина расскажет свою историю на терапевтической сессии, практически все, кто сидит в кругу, поднимут свои руки и скажут: «а мне было 15 лет», «а мне было 13», «я его знала», «их было трое», «их было четверо» — бесконечный круг. Чаще всего мы будем сталкиваться с тем, что женщины молчали по 10, по 15 лет. Они могли нести в себе эту травму годами, считая, что сами виноваты в том, что с ними произошло, считая, что на них была одета не та юбка, не та кофта, они вели себя вызывающе, они выпили не в той компании. Чаще всего это связано с дополнительным унижением. У женщин, которые сталкиваются с насилием, как и у мужчин, которые сталкиваются с насилием, чаще всего нет возможности выйти с этой проблемой на более широкий круг.

Здесь отдельно хочется сказать про отряды вооружённых людей, которые якобы существуют для обеспечения безопасности населения. Эти отряды вооружённых людей, в том числе, называются полицией. У них есть две функции: защита правящего класса и обеспечение безопасности населения. Вторую функцию полиция сейчас не выполняет. До суда по статье, которая на Западе называлась бы по-разному, но чаще всего: «сексуальное домогательство», в случае, если мы не можем принести сперму человека, а имеем дело с ситуацией, когда он трогал, онанировал или пытался изнасиловать,

но женщине удалось отбиться — в этом случае дела не доходят до суда. Даже если было реальное изнасилование, очень часто полиция отказывается в приёме заявления — эти дела не разрабатываются. Это огромная проблема.

Теперь скажу о том, какие есть способы противостояния этому. Мы тоже занимались проведением акций. Мы делали, например, акцию с лицом женщины крупным планом и её прямой речью, когда она говорила об опыте насилия или подписью: «молчание — их сила». Также были акции про право на аборт. Таким образом, мы пытались присвоить себе обратно право на городское пространство.

Есть акция «Вернём себе ночь», про которую уже начинала говорить Ульяна. Она впервые проходила в 76-ом году в Бельгии. В рамках этой акции женщины, иногда женщины и мужчины вместе, выходят на улицы и рассказывают о проблеме насилия, пытаются вернуть себе городское пространство, потому что мы знаем о существовании негласного комендантского часа для женщин. Мне, например, довольно страшно ходить после 11-ти вечера по

улице. Обычно у меня есть в карманах нечто, что способно гарантировать мою безопасность и чаще всего я специально продумываю маршрут следования и то, как я буду обороняться в случае нападения. Это очень важно. Об этом думают многие женщины. Обычно те, кто уже сталкивался с насилием, потому что просвещения в этой области у нас нет. Обычно один раз попадаешь, а потом уже думаешь, как не попасть ещё раз. Это тоже огромная проблема. У нас абсолютно отсутствует просвещение, например, в рамках культуры согласия. Есть мнение, что только коллективное противостояние способно заставить эту дискуссию разгореться в общественном разрезе. То, с чего я начала — индивидуальные женские случаи — про них никогда не скажут по телевизору, и это можно назвать трагедией.

Другая тема — это тема детей, о которой упомянула Ульяна. Если кратко, город в принципе не приспособлен для существования ребёнка. Один процесс — это когда моя дочь усваивает объективированную женскую роль. Ей нравятся эти плакаты с женщинами. Она подходит ко мне и говорит: «Мам, смотри, какая красивая девочка!» Мы с ней каждый день ходим около автомастерской — там изображена женщина в короткой юбке, действительно очень красивая. Мне очень сложно объяснять дочери, почему это не так красиво, и какова настоящая роль этих картинок: почему эта женщина никак не связана с этой автомастерской и с тем колесом, около которого она находится. Есть такая проблема, что довольно сложно с коляской проехать в метро. Иногда помогают, иногда — нет. Сейчас, когда ребёнок ходит сам — это здорово. Нас, правда, не везде пустят, но мы хотя бы можем передвигаться спокойно.

#вернёмсебеночь #takebackthenight

Елена Рождественская:.....

Для организации «Сёстры», которая работает против насилия над женщинами, я делаю одно небольшое исследование. У обычных людей, которые не сталкивались с насилием в своей жизни, я спрашивала: «Что значит для вас изнасилование?». Невероятно, но мы столкнулись с двумя различными языками описания, гендерлектами. То есть, мужчины и женщины, молодые люди и девушки, абсолютно по-разному понимают эту ситуацию. Одни — молодые люди, интерпретируют её как нарушение неких юридических норм, за которыми может последовать судебное наказание — и это опасно, а девушки это интерпретируют в категориях морали и стыда. Мы все находимся в неких тусовках, и в каждой из них свои гендерные языковые режимы, но когда мы выходим в публичное пространство, мы выходим в пространство мужского публичного языка. Это очередная проблема урбанфеминизма.

Александра Талавер:.....

Мы подошли к проблеме языка: язык, который, главным образом, заимствован нами из западной гендерной теории, и через который мы различаем определённые проблемы. Сейчас мы услышим взгляд на ситуацию в Москве из другой языковой среды.

Адзола Энигбокван:.....

(прим. перевод с английского).

Я — художница и писательница. Мне 33 года. Я провела год в Москве. Я являюсь профессором и преподаю в Нью-Йорке. Можно сказать, я урбанист со специальностью «психология». В своей исследовательской и преподавательской деятельности я специализируюсь на психологии, в особенности, на психологии окружающей среды. Меня интересует отношение людей к среде, в которой они находятся, небольшие черты поведения и привычки, которые люди используют для понимания и организации городского пространства. Одна из вещей, которые я выяснила — это то, что любое структурное неравенство, действительно серьёзное, социальное неравенство — будь то классовое, гражданское, по национальности или по гендеру — оказывает влияние на то, каким образом человек ощущает и ведёт себя в городском пространстве. Конечно же, как и любое городское пространство, Москва — не исключение. Но перед тем, как начать, я хотела бы задать аудитории тот же вопрос, что я задаю своим студентам: Что вы делаете перед тем, как выйти из дома, чтобы избежать насилия на улице, в том числе сексуального?

Микаэла:.....

Во-первых, возьму связку ключей. Посмотрю, достаточно ли светло на улице, чтобы выходить. Я всегда слежу за тем, кто идёт сзади меня, когда возвращаюсь домой. И я всегда проверяю зарядку моего телефона, чтобы была возможность, в случае чего, позвонить кому-то. Я не буду драться.

АдэолаЭнигбокан:.....

Парни, а что вы делаете?

Микаэла:.....

Я могу сказать, что могли бы сказать парни на этот счёт. Я обсуждала эту проблему с одним знакомым, и он рассказал, что в спортивной раздевалке он всегда старался как можно быстрее переодеть одежду, потому что боялся стать жертвой сексуального домогательства.

АдэолаЭнигбокан:.....

Это проблема, о которой думают женщины и дети, но это не их проблема, потому что это не женщины и дети совершают насилие. Кроме проблем гендерного неравенства также существуют проблемы неравенства возрастного. Очень молодые и очень пожилые люди оказываются неравными другим в обществе. Каждая женщина и каждый, кто был ребёнком в этой комнате, задумывался о таких вещах. Опыт освоения городского пространства значительно ограничивается из-за необходимости думать об этих вещах каждый день. Когда женщина подвергается насилию, первый вопрос к ней: Что на вас было одето? Потому что если вы подвергаетесь насилию — это ваша проблема. Поэтому всегда очень сложно говорить о следствиях неравенства в обществе, потому что такой разговор в большинстве случаев рассматривается в свете того, что женщина сделала что-то не так, повела себя глупо или предосудительно с определённым человеком в определённое время. Для меня одной из основных проблем является необходимость нахождения языка, который бы позволил говорить об этих проблемах, чтобы они больше не тревожили тех, кто вынужден был свыкнуться с насилием. Это касается не только женщин. Мужчины также способны остановить насилие и работать над созданием этого языка, чтобы помочь своим сёстрам и подругам. Существование изнасилований — это проблема. Превращение общего пространства в некомфортную сферу существования для других — это проблема. Я предположу, что никто из находящихся здесь мужчин не является насильником, но когда нам приходится строить все эти планы — сворачивать на другие улицы, идти туда, но не идти туда в ночное время — это проблема. Вы — потенциальные нападающие. Тем не менее, в этом нет вашей вины.

Вторая вещь, о которой я хотела сказать, касается моего личного опыта пребывания в Москве. Одна из вещей, которые я поняла в ходе бесед с другими женщинами и личного опыта — это то, что сексуальное пространство города заранее определено как маскулинное. Мой друг из Колумбии провёл очень интересное исследование. Мы жили с ним в одной квартире, так что я видела, как исследование развивалось на протяжении года. Он просматривал все вебсайты, посещал как можно больше тематических клубов, рассматривал проблему как с точки зрения гетеронормативности, так и гетероненормативности, притом и в сети, и в городе — и там, и там есть как

гетеросексуальные, так и гомосексуальные сферы, официальные и неофициальные. Одна из вещей, которые он понял, что подавляющее большинство пространств

в журналах, которые оставляют на стеклах автомобилей, где есть информация о том, где можно найти секс в городе — большинство этих пространств созданы мужчинами и для мужчин. Если бы женщина появилась в одном из упомянутых журнале мест, это было бы воспринято так, будто она предлагает себя для совершения действия над ней, но не так, что она сама может быть активным участником действия.

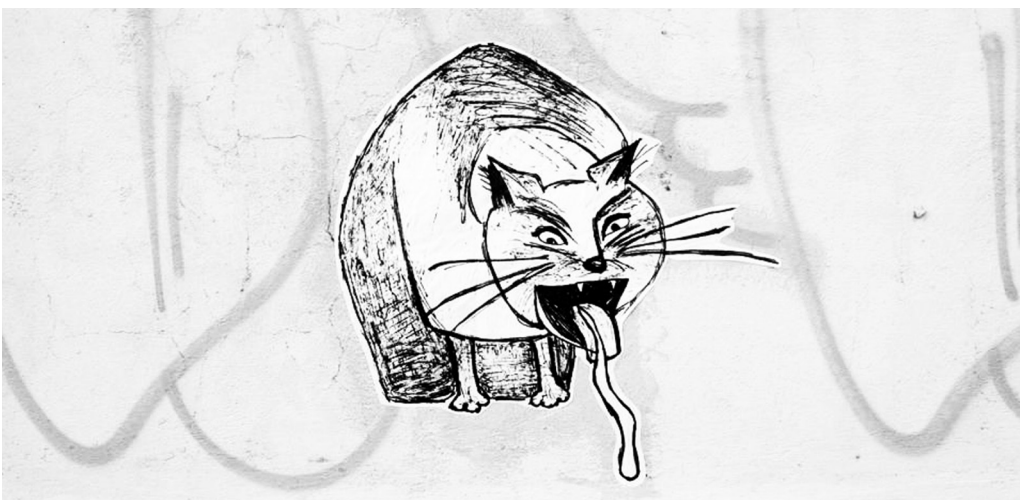
Я провела много времени здесь на улице. Когда я впервые приехала в Москву, в мой первый день здесь, пригласившие люди сказали мне, что я не должна выходить на улицу ночью и лучше бы мне не выходить одной, даже днём, и еще, не покидать центр. И я подумала: Что же такого происходит на улице — Игра Престолов, или вроде того? Что за дикий мир там, что со мной может случиться? И они объяснили мне: «Ну, ты можешь умереть».

То, что я поняла из их советов — это то, что, так как я — женщина, и я, очевидно, не русской национальности, на меня возможно нападение. То есть, если я покину это здание, я могу умереть. Что ж, чья это вина? Моя вина, да? Мне было достаточно сложно это принять, так как я 33-летняя женщина, в чью жизнь входит пересечение городских улиц днём и ночью. Ещё очень странным мне показался совет передвигаться по ночному городу с помощью неофициальных такси.

Я погуляла пару дней с русскими парнями. Это был очень интересный опыт. Для меня было очень непривычно находиться в пространстве, которое настолько детерминировано. Способ собственной репрезентации в качестве женщины очень прозрачен, как и прозрачно, кто является мужчиной. Я сказала этим ребятам: «Так, во-первых, я феминистка». Каждый раз, когда я говорю это здесь, мне нужен переводчик. (Обращается к переводчику) Жаль, ребята, что вас не было там, потому что мне пришлось рисовать картинки. Я нарисовала небольшую фигуру женщины, небольшую фигуру мужчины и поставила знак равенства между ними. За этим последовала реакция: «Что это значит?!» — это случалось больше, чем один раз: они подрисовывали пенис мужчине и женские гениталии женщины, после чего зачёркивали знак равенства. «Нет!» И я отвечала: «Хорошо, я поняла! Спасибо за вечер. До свидания». Это смешная история, но я думаю, что она говорит о том, что есть серьёзная необходимость в языке. Я понимаю, что это случилось не потому, что мой русский очень плох. Это случилось потому, что концепты, которые я старалась объяснить, с помощью которых формировалось моё сознание на протяжении многих лет — с этим достаточно сложно пребывать здесь и тем более вести общение.

Для того, чтобы подвести итог под моими замечаниями, я хотела бы сказать одну последнюю вещь. Основная проблема, о которой мы говорим здесь, и которую все поднимают, к примеру для тех же проблем возраста, проблем страха иметь детей, потому что если у тебя будут дети, ты исчез-

нешь из публичной жизни — я женщина 33–34 лет, я часто нахожу себя в таких местах в мире искусства и культуры, где нет женщин моего возраста — я всегда старше. Я никогда не понимаю этого и спрашиваю: почему всем 25? Всем женщинам? А всем мужчинам около 50. И я спрашиваю о том, где же все «средние»? Они дома. Потому что они были первыми женами мужчин, которых я вижу сейчас, и они следят за детьми, потому что это их работа. Никто не сомневается в том, что всё так и должно быть. Это шокирует. Так что мы должны смотреть на заявленные проблемы через большую проблему понимания языка, который необходим нам для того, чтобы сделать пространство города менее детерминированным. Границы между маскулинным и фемининным, и иерархия, связанная с этим, должны быть в некоторой степени стёрты. Это даст нам возможность перехода на другой уровень разговора.

Группа Ганди:.....

Мы хотели поговорить о женском образе в стрит-арт культуре. Вообще, стрит-арт культура — довольно замкнутая среда, которая представляется как среда друзей мужского пола, которые занимаются граффити. Если мы видим женские образы в стрит-арт культуре, сделанные мужчинами, чаще всего это сексапильные красотки, чьё предназначение — услаждать глаз зрителя. Основной нашей задачей является включение образа реальной женщины в городскую среду. Первыми такими работами были изображения женщин-мигранток. До сих пор не понятно, можем ли мы говорить от имени других, но это было наблюдение за тем, что они являются неотъемлемой частью нашей жизни.

Как оказалось, улица — это способ заявить о своих проблемах, о проблемах своих близких, о проблемах, которые устраивает нам наше государство. В том числе — это способ посмотреть на войну с женской стороны.

Наши коллеги из Индии, из Дели, рассказали нам об одном случае. Есть программа «Прокладки против сексизма». Она была начата в Германии 15-летней девушкой. Был задан вопрос: что было бы, если бы мужчин так же отвращало изнасилование, как их отвращают месячные. Она стала клеить высказывания против сексизма на прокладках. Индийские девушки, феминистки, решили поддержать это в своём университете. Они столкнулись с жёстким сопротивлением со стороны университета, который обвинил их феминистками, провёл ряд репрессий. Мы также сделали высказывания на условных прокладках, тем самым проявляя акт солидарности с индийскими феминистками, но этот акт выявил то, что у нас актуальна та же проблема, потому что эти работы вызвали чудовищное отторжение. Например, были огромные дискуссии на bodypositiv — паблике, казалось бы, довольно дружелюбном для подобных вещей. Было очень много мнений о том, что такое не стоит показывать, так как это отвратительно.

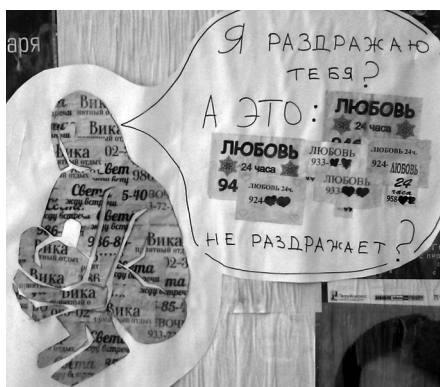

У нашей группы открытая структура: регулярно подключаем разные элементы, какие-то элементы отключаются. Кратко об основных персонажах в Санкт-Петербурге.

Группа Зоя (ZOA ART). Работает с темой женской и детской уязвимости. Основной метод — постер, который наклеивается на обойный клей. Реакция на этот постер сразу видна, потому что его можно очень легко содрать. На некоторые негативно реагируют сразу, а некоторые висят по полгода.

Daria — феминистка, активистка, волонтерка и уличная художница. Одна из инициаторок чисток улиц от объявлений вроде «Любовь 24 часа». Вот её прямая речь: «В качестве материала для аппликаций использовались реальные объявления, собранные на улицах Санкт-Петербурга. Также на фотографиях можно увидеть, как выглядят транспортные остановки, столбы, и др. места до «зачистки»; статистические данные о торговле людьми и тех, кто покупает проституток; выдержки из законов УК РФ; надписи, наклеенные поверх телефонных номеров на объявления. Я хочу, чтобы насти, вики, ирины заговорили и были услышаны. Ведь они ничем не отличаются от тебя, зрительница.»

Георгий Мамедов:.....

Приглашение изначально показалось мне странным, поскольку дискуссия посвящена повседневному опыту женщин. Выгляжу я достаточно нормативно по-мужски и когда я выхожу из дома, я не задумываюсь, как мне избежать насилия. Но, например, когда я выхожу из гей-клуба в Бишкеке, я задумываюсь: может быть, шарфик нужно снять или такси нужно вызвать заранее. Это ночью происходит, а буквально неделю назад мы делали днём публичное открытое событие в Бишкеке, которое было посвящено противостоянию гомофобии. Тогда я опасался того, что кто-то может с дурными намерениями там оказаться. Этот опыт не женский, но это опыт угнетения и того структурного насилия, в котором мы оказываемся. На самом деле, это граница нашей идентичности, и возможность выйти из привилегированной группы и оказаться в группе угнетённых — она может быть, например, в гей-клубе. Я никогда не думал, что не смогу снять квартиру в Москве просто из-за того, что у меня оказалась фамилия нерусская. Ещё один пункт, в котором твоя привилегированная позиция может оказаться под сомнением. Я не знаю, есть ли такая констелляция идентичности, в которой ты был бы абсолютно неуязвим и оказывался всегда наверху иерархии.

Мне кажется, такое стремление постоянно осмысливать свой опыт как опыт угнетённого, на самом деле, надо найти в себе. Для того, чтобы, как мне кажется, эту ситуацию изменить, нужно найти в себе женщину, или найти в себе гея, или найти в себе киргизского мигранта. Не просто солидаризироваться со своей привилегированной позиции, а понять, что нужно сделать шаг. Возможно, если это понимание каким-то образом будет усвоено, то и наше представление о городе изменится. Мы не просто должны увеличить присутствие женщин в городе, в городской среде, мы должны сделать как бы женский город. Женский город — это город, в котором будет хорошо всем, и мужчинам в том числе. Квир-город или город мигрантов — это город, в котором будет хорошо всем. Не город, в котором мы отдаём какой-то кусочек, или, например, делаем 50% мужских памятников, 50% — женских, не там, где мы создаём ещё один дом, в котором мигрантам будет хорошо или выделяем ещё одно гетто, в котором будут ходить неформалы. Матрицей городского субъекта должен стать угнетённый, и тогда всем станет лучше.

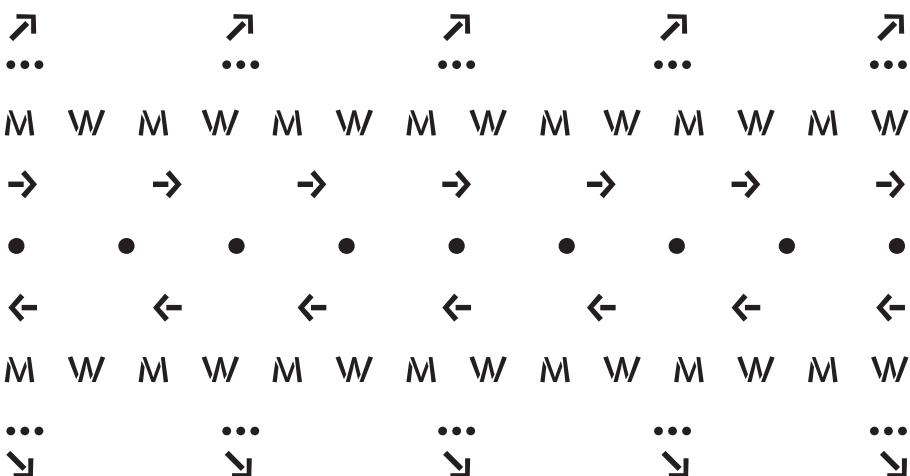
Элла Росман:.....

Я хотела сказать про наш опыт в университетском пространстве. Сегодня очень много было сказано о том, как важна репрезентация себя в городе или в том или ином пространстве, которое оказывается маскулиным по своим качествам или функциям, и как важно создание собственной видимости и видимости собственного присутствия. В этом смысле мне, как студентке, интересно пространство университета, в частности, своего. Я учусь в Высшей Школе Экономики, на отделении культурологии, где большая часть студентов — девушки. В преподавательском коллективе больше мужчин, конеч-

но. На главных управляющих постах, в основном, находятся мужчины. В этом контексте довольно трудным может получиться разговор о гендере и о каких-то собственных гендерных вопросах.

Мы с группой девушек и молодых людей самостоятельно организовали гендерный семинар. Каждую неделю мы собирались для того, чтобы почитать тексты и поговорить о проблемах. С одной стороны, это была группа самопознания, но в то же время группа, которая рассматривала важные тексты, в том числе научные, которые могли быть интересны для будущих исследований студентов и студенток. С другой стороны, это было некоторое обозначение себя в пространстве факультета и отделения. В том числе, мы провели открытое мероприятие, и думаю, они будут у нас ещё не раз, будут анонсированы. Наше мероприятие было о негосударственном феминизме в Советском Союзе — о феминистском Самиздате.

По моему опыту, такое обозначение себя сыграло какую-то роль, то есть стали больше обсуждаться вопросы о гендере, в том числе на семинарах. Я стала задумываться, почему бы не перенести всё это на уровень города: сейчас лето, у нас есть парки и другие общественные места. У нас есть девушки и парни, которые интересуются этой проблематикой и хотят что-то менять — почему бы им тоже не собираться в парке, как-то обозначать себя, обсуждать гендерные тексты, обсуждать какие-то проблемы. Можно устраивать такие вещи внутри города: небольшие собрания на природе, где происходило бы обсуждение таких вопросов, и которое как-то бы себя обозначало. Мне кажется, это неплохой тактикой. С одной стороны — это обсуждение, когда ты можешь проговорить свой опыт и обсудить его с другими людьми, получить новую информацию, а с другой стороны — обозначение себя и того, что твои проблемы тоже важны в публичном пространстве.

Выход Саша в город Талавер

- 1.** Не флиртуйте — те, кто поспешно флиртует часто раскаиваются потом.
- 2.** Не соглашайтесь на предложения подвезти от флиртующих автомобилистов — они думают не о том, чтобы помочь вам.
- 3.** Не стройте глазки, они были сделаны для более достойных целей.
- 4.** Не гуляйте с незнакомыми мужчинами. Они могут оказаться женатыми, и тогда вам придётся принять участие в поединке таскания за волосы.
- 5.** Не подмигивайте — трепетание одного глаза может вызвать слёзы в другом.
- 6.** Не тратьте улыбки на кокетливых незнакомцев, сохраните их для людей, которых вы знаете.
- 7.** Не хватайте всех мужчин, которых можете взять — флиртуя со многими, вы можете потерять одного.
- 8.** Не поддавайтесь на гладких щегольских пожирателей пирожных — неполированное золото настоящего мужчины стоит больше, чем блеск музыкантов, играющих лаунж.
- 9.** Не позволяйте пожилым мужчинам с флиртующим взглядом похлопать вас по плечу и проявлять отеческий интерес к вам. Они, как правило, из тех, кто хочет забыть, что они отцы.
- 10.** Не игнорируйте человека, в котором абсолютно уверены, пока флиртуете с другим. Когда вы вернётесь к первому, можете обнаружить, что он исчез.❄

Неказистые, на первый взгляд, правила «Антифлирт клуба», действовавшего в Вашингтоне в 1920-е гг., едва ли вызывают что-то кроме смеха, если не знать их прагматики. «Антифлирт клуб» сложился как своеобразная форма самообороны, вызванная к существованию массовым распространением автомобилей и укрепившейся практикой военного времени подвозить пешеходов, которой многие водители стали злоупотреблять и оказывать нежелательное внимание, а порой и физическое насилие по отношению к девушкам [1].

Несмотря на значительное изменение положение женщин в области прав и возможностей сегодня, специфические проблемы безопасности и комфорта на улицах актуальны до сих пор. В интернете можно найти немало видео-экспериментов с прогулкой одинокой девушки по современному большому городу под аккомпанемент свиста, комплиментов и других знаков внимания со стороны встречающихся мужчин. Пожалуй, такая концентрация — редкость в повседневной жизни, а вот навязчивые знакомства, отказ от которых воспринимается как глупость или грубость, вызывающая часто агрессивную реакцию, надоедливые заигрывания продавцов, барменов, охранников и проч., реплики в спину, ну и, конечно, пристальное разглядывание — вполне себе рутина. По счастью, мне приходилось отделяться только раздражением, которое послужило продуктивным импульсом для размышления: почему так получилось?

Для этого я решила посмотреть на историю формирования большого города, каким его знает современность (modernity). Понятно, что есть свои региональные особенности, но я предлагаю сконцентрироваться на ключевом образе — Париже XIX столетия.

Перепланировка барона Османа уничтожила средневековый город с его кривыми и узкими улочками, темными переулками, город, в котором каждый был ограничен в перемещении границами знакомого ему квартала. Париж рассекается широкими проспектами и бульварами, появляются парки и общественные скверы, централизованные рынки и торговые пассажи. Эта перепланировка, которая была начата с целью облегчения контроля за городским населением и уничтожения возможности народного восстания, превратила Париж в город, открытый не только полицейским отрядам, но и любому чужаку [2]. В распространенном нарративе о большом городе Нового времени он представлен как пространство свободы. Анонимный и лишенный оков социальных предрассудков человек в нем может вольно фланировать и также вольно строить свою биографию.

Однако феминистская критика отмечает, что этот образ города создан исключительно мужчинами, в то время как возможности женщины в перемещении по столице XIX столетия были крайне скромны. Так, Сьюзан Бак-Морсс пишет: «фланером назывался праздношатающийся мужчина; но все женщины, которые прогуливались, рисковали быть воспринятыми как проститутки...» [3] Одинокая гуляющая по улицам Парижа

женщина вызывала недоумение. Она могла перемещаться только с сопровождающим, а если такового не было, подразумевалось, что она его ждала, из чего и проистекало предположение о соответствующем роде занятий.

Дорин Мэсси пишет про Париж XIX века: «город был гендеризирован. Более того, это разделение прямо соотносилось с пространственной организацией» [4] — и женщине была отведена исключительно частная сфера. Единственный маршрут, доступный для приличной женщины самостоятельно — это поход за покупками. Элизабет Уилсон отмечает, что главным центром женской городской жизни был универсальный магазин.

В 1852 году Аристид Бусико открывает магазин «Au Bon Marche». Это был первый в мире универмаг, который, что примечательно, был изначально ориентирован на женскую аудиторию, создавая максимально комфортные условия для свободного времяпрепровождения: товары можно было трогать руками и примерять, были введены ценники и зафиксированы цены (что отменило практику торгов с продавцом). Цены были невысокие, но обстановка роскошная: максимальное количество товаров было выставлено на витрины, при этом спектр возможных покупок был невероятно обширен — потому магазин и стал называться универсальным. Вслед за «Au Bon Marche» стали открываться все новые и новые магазины: «Le Printemps» (1874 г.); «Galeries Lafayette» (1893 г.) и другие. Уникальность универмагов заключалась и в том, что это было место, которое относилось к сфере публичной, но в то же время нацелено на интимность частной сферы [5], ведь те покупки, которые совершали там женщины были предназначены для дома и семьи. Уилсон видит в этом следствие потребления, которое захватило публичную сферу буржуазного общества, отмечает, что «пространства, где было разрешено появляться уважаемой женщине, были, как правило, посвящены покупке и продаже, а не каким-либо более возвышенным практикам» [6]. В стремлении привлечь женщин, в магазинах стали создавать зоны ресторанов, комнат отдыха и даже чтения, где они могли появиться самостоятельно и быть свободными от мужской защиты. При этом само присутствие женщин «создавало особую и амбивалентную атмосферу в этих зонах, которые были публичными, но уже нацеленными на интимность частной сферы» [7]. Примечательно, что выход женщин в городские пространства погружал их в соседство с предметами потребления, создавая таким образом метонимическую связь между ними.

Единственными, по сути, свободными в своем перемещении по городу были проститутки, Элизабет Уилсон предлагает рассматривать их как «flaueurie», ведь у них тоже было «глубокое знание темных укромных мест городской жизни» [8], при этом свобода их была ограничена поиском заработка и клиента — в чем заключается принципиальное отличие женской практики свободного перемещения по городскому пространству от мужской.

Таким образом, феминистская критика фокусирует внимание на закреплении буржуазной женщины в сфере приватного, и подчеркнутое освобождение куртизанок, которое привело к превращению их в объект

#aufschrei #takebackthenight #hollaback #negovorisomnoi

постоянного эротизирующего взгляда, распространившегося затем и на других женщин, выходящих в публичное пространство большого города: если женщина ходит одна, то она, наверняка, кого-то ищет! Как пишет Анджела МакРобби: «Вытеснив женщин посредством разного рода насилия в сферу домашнего хозяйства, в мир покупок, во внутренний мир сексуального тела, женственности и материнства современность (modernity) смогла торжественно появиться в публичной сфере — на пространстве белых, мужчин, разума, рациональности и бюрократии.» [9]

Да, нынешнее положение уже не раз окрестили «постсовременностью», а советский проект «современности» вообще имел другую стратегию развития. Тем не менее будет лукавством не заметить, что одинокое появление девушки в городских пространствах нередко имеет стигму ожидания кого-то, или чье-то внимания (не приходилось ли вам оговариваться от знакомящегося/помогающего и т.д. тем, что «извините, я жду подругу/друга»?). Кажется, в ситуации «победившего феминизма» в разрезе многих прав и возможностей есть смысл обращать внимание на такие, казалось бы, мелкие, но важные вопросы, как наш особый дискомфорт в городском пространстве.

Самым масштабным и известным действием в этом поле является, наверное, акция «Вернем себе ночь» (как правило, в форме марша), которая проводится по всему миру с 1975 года. Разумеется, поздним вечером, или ночью. Цель события — привлечь внимание к проблеме изнасилования и опасности для женщины ночного города, поэтому первоначально в них принимали участие только женщины, демонстрируя тем самым, что, объединившись, мы можем противостоять. Сегодня этот вопрос гендерной исключительности вызывает, как водится, немало споров. Как и сама форма протеста.

Пытаясь выйти за пределы «современности» в настоящее, я, пожалуй, рассмотрю разные проекты, связанные с интернетом и современными технологиями, которые помогают не только говорить о проблеме, но и решать ее (что тоже, разумеется, вполне может вызвать спор).

Во-первых, проекты, нацеленные на фиксацию и рассказы о приставании и нежелательном внимании на улице. Например, проект Анны Формозовой и Александры Запоевой, которые фотографировали пристававших к ним мужчин на улицах: и для того, чтобы обратить на эту проблему внимание своих друзей, и для самообороны. «Фотографировать таких мужчин — это не способ их унижить. Мы просто вторгаемся в их пространство их собственными методами. Как можно заметить по снимкам, часто они пытаются убежать от камеры» — рассказывает Анна. К сожалению, обещанного продолжения проект не получил, но это в наших силах. Ссылка: <https://instagram.com/negovorisomnoi/> В немецкоязычном twitter есть хештэг #aufschrei («крик»), который маркирует сообщения о домогательствах, физическом и символическом насилии в городском пространстве. В Appstore можно найти бесплатное приложение «hollaback!», с помощью которого можно записывать случаи приставаний и вносить их на общую карту. Ссылка: <http://www.ihollaback.org/>

Во-вторых, это приложения для рассылки сигнала об опасности друзьям, такие как circle of 6 (<http://www.circleof6app.com/>), bsafe (<http://www.bsafepapp.com/>), guardly (<https://www.guardly.com/>), life360 (<https://www.life360.com/>) и другие. Однако, в отсутствии смартфона не могу судить об их работоспособности. И однозначно противлюсь тому, что такие приложения вынуждают женщин и небинарных людей ставить себя в один ряд с ребенком и пожилым человеком, которым вдруг может понадобиться кнопка «SOS» – то есть едва ли получать спокойствие в городском пространстве. Российских приложений я не знаю, но аналогом может считаться проект «Брат за сестру» (<https://vk.com/bratzasestrumsk>), который позволяет оставлять заявки на то, чтобы один из волонтеров проводил до дома в позднее время суток. Как ругаются его создатели, флирт строго запрещен, а все паспортные данные волонтеров известны региональному координатору. Однако «пол» все же называется «прекрасным» и скорее подталкивает к размышлению о наших возможностях, чем желанию воспользоваться.

[1] 10 girls start war's on auto invitation//The Washington Post, Feb 28 1923: http://pqasb.pqarchiver.com/washingtonpost_historical/doc/149250910.html?FMT=ABS&FMTS=ABS:AI&type=historic&date=Feb%2028,%201923&author=&pub=The%20Washington%20Post&edition=&startpage=2&desc=

[2] Скотт Д. Благими намерениями государства//Пер. с английского Э.Н.Гусинского, Ю.И.Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005. 568 с.

[3] Buck-Morss S. (1986) The Flaneur, the Sandwichman and the Whore: The Politics of Loitering. New German Critique, No. 39, Second Special Issue on Walter Benjamin. – p.119

[4] Massey,D. (1994) Space, place, and gender. Minneapolis: University of Minnesota Press. p. 233

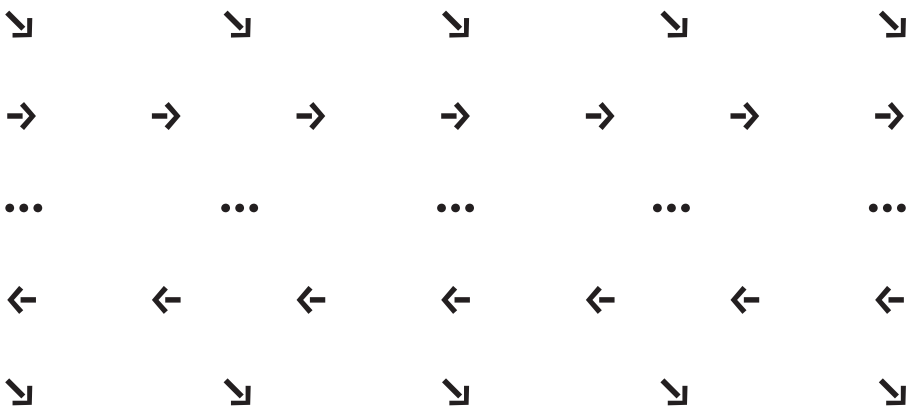
[5] Wilson E. (1991)The sphinx in the city: urban life, the control of disorder, and women. University of California Press p. 59–60

[6] Ibid. p. 60

[7] Ibid. p. 59

[8] Wilson E. (1991) The sphinx in the city... p.55

[9] McRobbie A. (1999) British fashion Design: Rag Trade or Image Industry. London – p.36–37

Место женщины?

Дорин Мессе

Милтон Кейнс

из книги «Space, place, and gender» (University of Minnesota Press, 1994)
перевод-реферат, автор: Артур Якубов

Девятнадцатый век в Британии ознаменован распространением капиталистических производственных отношений. Этот процесс происходил географически неравномерно, а экономическая разница между регионами по его итогам хорошо известна: подъем угольной добычи, подъем текстильной промышленности, резкие социальные и экономические изменения в устройстве аграрной культуры и так далее. Другими словами, в условиях разделения труда, охватывающего все большие пространства, различные регионы Британии играли разные роли, и их экономические структуры и структуры занятости также встали на разные пути развития.

Кроме того, распространение капиталистических отношений сопровождалось другими изменениями. В частности, оно нарушило устройство отношений между женщинами и мужчинами. Старая патриархальная форма домашнего хозяйства была подорвана, под вопросом оказались привычные нормы отношений полов. Данный процесс по своей природе и масштабу тоже варьировался в зависимости от региона — важнейшее влияние на его конфигурацию оказывал характер возникающих экономических структур. Но во всех случаях «капитализм» и «патриархат» артикулировались совместно, приспосабливаясь друг к другу различными путями.

Именно этот процесс мы и хотим изучить. Если кратко, то тезис данной статьи состоит в том, что различные формы экономического развития, контрастирующие между собой в различных регионах Британии, предоставляют определенные условия для сохранения доминирования мужчин. Если говорить кратко совсем, то капитализм способствовал появлению различных вызовов для патриархального строя в разных частях страны. Основной вопрос состоит в том, как будут переформулированы условия доминирования мужчин в меняющихся экономико-производственных отношениях. Мы рассмотрим, как процесс приспособления капитализма и патриархата друг к другу привел к разным вариантам их синтеза, который нашел отражение в характере гендерных отношений и в жизнях женщин.

В следующих четырех подразделах этой главы мы рассмотрим проблемы синтеза различных социальных аспектов в разных регионах. Другими словами, нас интересуют выделение такой совокупности факторов, которая позволит установить уникальность каждой отдельно взятой местности.

Мы выбрали четыре региона. В этих местах доминировали не только разные виды промышленности, но и различные общественные формы производства: добыча угля на северо-востоке Англии, фабричная работа хлопковых городов, потный труд внутреннего Лондона, и агрокультурные бригадные работы в Фенсе. В одной статье мы не смогли оценить по достоинству всю комплексность синтезов, которые удалось установить в этих регионах. Единственное, что мы пытаемся сделать — проиллюстрировать наш основной тезис, выделяя самые значимые контрастирующие элементы.

В последней группе глав мы перескакиваем вперед к последним десятилетиям двадцатого века, задаваясь вопросом «где они теперь?». Интересно, что выбранные нами регионы по-прежнему различимы с точки зрения гендерных отношений и жизни женщин, несмотря на изменения, произошедшие на уровне всей страны, которые, казалось бы, должны были сгладить контрасты. Различия теперь проявляются в иных аспектах. Во-первых, произошли изменения в экономических структурах регионов. Они были по-разному инкорпорированы в новое расширенное пространственное разделение труда, которое, по сути, являлось новым международным разделением труда. Новые слои экономической деятельности, как и бездеятельности, в разных регионах по-разному накладывались на старые слои. Во-вторых, самые поздние перемены были сформированы уникальными условиями и накопленным наследием прошлого, что дало определенные своеобразные сочетания. Таким образом, «местное» имело воздействие на «повсеместные» процессы.

Девятнадцатый век

Уголь — наша жизнь: чья жизнь?

Опасность и тяжкий труд, мужская солидарность и угнетение женщин — это вкратце описывает классическую ситуацию, представленную в рудниковых деревнях, существовавшую на протяжении почти всего XIX века. Здесь разделение жизни мужчины и женщины было практически абсолютным: мужчины — кормильцы, женщины — домашние работницы, хотя их образ трудно было сопоставить с образом «домашних ангелочков», который так часто фигурировал в викторианской риторике среднего класса, связанной с идеализацией женщины. Дарем с его угольной промышленностью представляет собой достаточно очевидный пример того, как перемены в экономической организации, произошедшие в Викторианской Англии, повлияли на взгляд на место женщины, что породило жестко-иерархичное и патриархальное общество. Шахты и владельцы шахт были основной властью в этих деревнях. Практически все мужчины зарабатывали на жизнь в шахтах, и работа в шахтах

была почти исключительно мужской прерогативой, с тех пор как женский труд был запрещен с середины века. Мужчины были промышленным пролетариатом, продававшим свой труд нанимателю-монополисту, который в то же время владел их домом. Добыча угля была грязной, опасной и рискованной работой. Изо дня в день мужчины рисковали своими жизнями в ужасающих условиях. Та опасность, которая была общей для всех мужчин, повлияла на формирование некоторой формы мужской солидарности, и придала самому их физическому труду атрибуты маскулинности и вирильности. Общая опасность привела к появлению общих интересов у мужчин и вне работы: общий шахтерский язык, общие клубы и пабы, общий интерес к спорту. Таким образом, изгнание женщины из мира работы мужчины было усугублено исключением женщин из всех доминантных форм общественной и политической жизни.

Оплачиваемых работ для женщин в этой местности было немного. Юных девушек ждала работа в качестве домашней прислуги, женатых женщин — случайные и низкооплачиваемые подработки, такие как стирка, декорирование и присмотр за детьми. Однако большинство семей были в одинаковом положении, и очень редко кто мог себе позволить тратить деньги на такого рода услуги, — так что единственным доходом семьи оставался оклад мужчины. Для шахтерских жен почти без исключения, как и для практически всех дочерей чуть ли не единственной и отнимающей почти все время занятостью была неоплачиваемая работа по дому. Так, неравные социальные и экономические отношения мужчин и женщин, вызванные социальной организацией труда в шахтах, усилили подчиненное положение женщин. Работа шахтера приносила едва выносимые бытовые тяготы жене и семье. Работа под землей была грязной, и это было задолго до появления душевых в надшахтных зданиях и защитной одежды. Рабочую одежду необходимо было прокипятить в котлах, в которых еще нужно было вскипятить воду для стирки прочей одежды, для мытья людей и полов. Сменная работа у мужчин еще сильнее сказалась на домашней нагрузке на женщин: нужно было стирать одежду, мыть спины и готовить еду в любое время дня и ночи: «Я ложусь спать только по субботам», — рассказывала жена шахтера, — «Мой муж и три наших сына работает в разных сменах, и кто-нибудь из них приходит и уходит каждые три часа из двадцати четырех, и всех нужно кормить». [1]

Случай, возможно, крайний, но не исключительный. Шахтеры, которыми ежедневно помыкали на работе, зачастую оказывались тиранами в собственных домах, держа своих жен в постоянном угнетении и страхе. Они будто бы «отреагировали на [собственную] эксплуатацию не сражаясь как класс против капитализма, но как гендерная группа против женщин, или даже против конкретной женщины, выбранной и поработанной ради этой конкретной цели, исходя из парадигмы половой солидарности» [2]. Мужчины были хозяевами у себя дома. Ниже мужчины из Дарема, который сам в 1920-ых стал шахтером, описывает своего отца: «Он был эгоистом. Если на столе лежали три булочки, он бы забрал

самую большую. Он сидел за столом с ножом и вилкой наготове еще до того, как приготовили еду... Газета никому не могла достаться до того, как он ее прочитает». [3]

Такую форму приняли гендерные отношения в рудниковых деревнях. Национальная идея и местные условия, работая совместно, породили уникальный набор патриархальных отношений, основанный на крайнем разделении жизней мужчин и женщин. Во многих аспектах социальной и экономической жизни маскулинное превосходство и мужское господство стали неоспоримой и установившейся реальностью. Патриархальная власть в этом регионе оставалась практически неизменной до середины следующего века.

Хлопковые города: дом вверх дном?

Образы домохозяйки и кормильцы были, конечно же, распространены по всей капиталистической Британии, а не только в регионах угольного промысла. Однако, в этих регионах они достигли своего апофеоза, и имелись определенные отличия между ними и другими регионами страны.

Хлопковые города северо-восточной Англии являют собой наиболее известный пример с другого конца спектра, и самым значимым элементом здесь является долгая история оплачиваемого женского труда вне дома. Тот факт, что женщины являлись чуть ли не первостепенной рабочей силой в фабричном капиталистическом производстве, часто преуменьшается. «В этом смысле, современная индустрия представляла собой вызов традиционному разделению труда по половому признаку в рамках общественного производства» [4]. И первый такой вызов был брошен как раз в хлопковой отрасли, располагавшейся в районе Манчестера.

Сохранение патриархальных отношений в тех условиях было намного более сложной задачей, чем в Дареме, и тем не менее, этот вызов был принят. Прядение, в текстильной индустрии традиционно являвшееся работой женщин, было захвачено мужчинами. Работа за прядильным станком начали считать «тяжелой», и, следовательно, «мужской», и, опять же следовательно, «требующей квалификации». Сохранение мужской прерогативы перед лицом опасности, исходящей от женщин, справляющихся с этой работой, была проблемой, которую решали сознательно и организованно. На собрании прядильщиков, прошедшем на острове Мэн в 1829, было заявлено: «ни один человек не имеет права пряхть, кроме сына, брата или сироты-племянника прядильщика». Женщинам, которым как-то удалось сохранить свои позиции, было рекомендовано организовать свой профсоюз. С тех пор освоить профессию прядильщицы было непростой задачей из-за строгого контроля, и дни прядильщиц были фактически сочтены. [6]

Однако, если считать, что мужчины победили в прядении, то точно таким же образом они проиграли в ткачестве. С появлением ткацкого станка ситуация резко изменилась: «Мужчины, возглавлявшие домашние хозяйства, лишились своих работ, в то время как женщин и детей согнали на фабрики» [7]

С появлением новых рабочих мест для женщин на фабриках, ситуация на женском рынке труда резко изменилась. Рост спроса на женский труд вырос не только за счет самих фабрик, но и за счет других освободившихся рабочих мест, которым женщины предпочли работу за ткацким станком. Кроме того, в случаях, когда в семье муж оказывался без работы, каковых было немало, женщины тем более стремились искать новые способы заработка.

Однако данная ситуация не устраивала средний класс, который разразился возмущенными протестами — они искренне считали, что женщины, занимающиеся чем-то помимо домашнего хозяйства — это «аморально» и «противоестественно» и уж совсем никак не сопрягается с образом женщины Викторианской эпохи. Сопrotивление такому явлению, как женская занятость, объединило интересы государства и мужчин-рабочих, породив общественное обсуждение вопроса о «семейном доходе». Вся суть обсуждения сводилась к необходимости закрепить «второстепенность» женского дохода по отношению к мужскому.

Таким образом, произошедший распад традиционного семейного быта и трансформация полового разделения труда породили движение, стремящееся к переутверждению мужского господства. Тем не менее, в некоторых регионах, особенно в Ланкашире, движение за переутверждение оказалось практически бессильно — уже устоявшиеся традиции женского труда и выросшее на них сильное женское рабочее сообщество продолжали жить. Однако, уникальная радикальная риторика, сочетающая в себе идеи борьбы за права рабочих и за права женщин, именно в силу своей уникальности не смогла покинуть пределы окрестностей Манчестера: «Радикальным суфражисткам в итоге не удалось добиться желаемого результата. Реформы, за которые они боролись, и важнейшая из которых касалась парламентских выборов, не могли обойтись без парламентской поддержки в Вестминстере. Тысячи рабочих женщин поддерживали эту кампанию, при этом 5 из 6 женщин из профсоюзов были представлены работницами хлопковой отрасли. Ни одна другая группа женщин не обладала такой же организованностью, такими же высокими (относительно) окладами, и такой же уверенностью в собственном статусе квалифицированных работниц. Однако, их влияние было скорее региональным, чем национальным, и их попытки применять свою тактику с женщинами-работницами из других регионов имели мало успеха. В конечном счете, локализованная сила радикальных суфражисток в долгосрочной перспективе оказалась их слабостью.» [8]

Швейная промышленность в Хакни: женская работа?

Работы для женщин в Хакни имелось достаточно — шитье одежды и сумок пользовалось спросом, хотя работниц на этой стезе ждал непосильный труд и нестабильный заработок. И хотя вовлеченность женщин в оплачиваемый труд была не меньше, чем в Ланкашире, а условия труда были далеко не легче, данная ситуация не породила ни единого возгласа протеста и возмущения. Дело в том, что работа в швейной промышленности, в отличие от фабричной

работы в Ланкашире, представляла собой работу на дому, и именно поэтому «противоестественным» шитье дома никому не казалась. Основная угроза патриархальному семейному строю со стороны возникшего капиталистического способа производства заключалась в том, что женщина была вынуждена ходить на работу, покидая свой дом и ту среду, обитание в которой для нее считалось нормой. Когда же женщина сидит дома, тем более, не за станком, а за иглой с ниткой, то никакого подрыва сложившейся гендерной парадигмы не происходит: «Поощрялись только те виды работ, что соответствовали представлениям о естественной сфере деятельности женщин. Такая дискриминация мало соотносилась с опасностью и тяжестью работы. Конечно, весьма странно сравнивать с точки зрения риска для жизни и здоровья, работу в шахте и работу в сфере пошива одежды в Лондоне, однако, идея отстранить женщин от изнуряющей работы с иглой никому в голову не приходила.» [5]

Таким образом, во Внутреннем Лондоне появление новых экономических условий, связанных с приходом капитализма, не стало угрозой господству мужчин.

Эксплуатация капитализмом женского наемного труда на дому имеет под собой, в основном, экономическую основу. Основной рынок сбыта находился в центре города, и чем ближе производство, тем дешевле обходится логистика. К тому же, издержки содержания «домашнего» штата работников намного ниже по сравнению с фабрикой, и растущее благодаря иммигрантам предложение труда позволяет экономить на окладах.

Однако, несмотря на то, что общественная организация и характер женского труда не представляли угрозы для мужчин, в среде иммигрантов ситуация была иная. Мужчины были вынуждены шить наравне с женщинами, претендуя на тот же оклад, что привело к вытеснению иммигранток с рынка труда во имя мужского господства.

Сельская жизнь и труд

Условия в Фенсе сильно отличались от Ланкашира. В девятнадцатом веке проводилась политика расширения обрабатываемых земель, которая требовала немалое количество рабочей силы, в том числе и женской. Труд был тяжелый и наемный — люди работали на земле, которая им не принадлежала, и работать приходилось вдалеке от дома.

Общественный и пространственный характер труда имел ряд особенностей, в частности, работы были сезонными, выполнялись в составе бригад, и включали в себя длительные перемещения с места на место. Викторианская общественность снова высказала ноту протеста: женщины, работающие в полях, были отлучены от домашнего очага и, тем самым, от собственной женственности, что, по тем меркам, не вполне допустимо. Однако, никаких сдвигов в общественной организации труда не происходило — женщины не вступали в профсоюзы, каждая бригада обсуждала свой оклад отдельно с крупными землевладельцами и не обладали той общностью, которая возникла у работниц фабрик Ланкашира.

Отчасти на устойчивость общественных и гендерных отношений влиял

характер мужской работы — в отличие от женской работы, она длилась весь год, а не сезонно, и заработок их был постоянный. Работа в полях, как и работа в угольных шахтах, была тяжелой и грязной, что дополнительно обременяло женщин дома.

В конце концов, сказывалось влияние жизни в дереве как таковой — чрезвычайно консервативный уклад во всех общественных и политических сферах не подразумевал под собой возможность перемен в отношениях полов. Женщины служили мужчинам, мужчины вместе с женщинами служили землевладельцам, и бороться с существовавшим положением вещей никто не хотел.

Где они теперь

Двадцатый век принес с собой множество социокультурных и технологических изменений. Развитие телекоммуникационных технологий способствовало ускоренному распространению новых идей, у женщин появлялось все больше возможностей найти оплачиваемую работу вне дома. Хотя перемены происходили в масштабах всей страны, региональные отличия все же сохранились.

Четыре региона вновь были подвержены изменениям национального масштаба, однако каждый входил в эпоху перемен по-разному. Любопытная тенденция заключается в том, что регионы, где женской занятости практически не существовало, испытали значительное увеличение потребности в женском оплачиваемом труде.

Уголь был нашей жизнью?

В послевоенные годы угольная промышленность пошла на спад. На фоне растущей мужской безработицы в Дареме имеет место заметный рост спроса на женский труд. Сложившаяся ситуация сильно напоминает хлопковые города XIX века, когда женщины были вынуждены выходить на работу вместо мужчин. Отличие от Ланкашира заключалось в том, что сложившееся традиция женского труда отсутствовала, работницы не были организованы и не состояли в профсоюзах, что, в свою очередь, вызывало повышенный интерес у работодателей.

Прирост рабочих мест в этом регионе связан с появлением двух новых городов, Питерли и Вашингтон, а также ряда новых промышленных зон, где женщины представляли собой дешевую и неквалифицированную рабочую силу, сильно зависимую от работодателя. Со стороны мужского населения возникали протестные настроения — лишённые привычного статуса кормильцев, они выступают против того, чтобы «женщины отбирали у них работу», требуют «нормальной работы».

Однако предложение на рынке труда в основном состоит из работы, считающейся «женской», такой как, например, работа на упаковочном конвейере. Мужчины не хотят браться за такую работу, считая его ниже своего достоинства, в то же время работодатели не стремятся нанимать мужчин. Казалось бы, в таких условиях должен случиться переворот в гендерных отношениях, но

мужчины не спешат заниматься домашней работой. Впрочем, все чаще можно заметить мужчин с колясками, многие из них все же смиряются с собственным «одомашниванием», в то время как вовлеченность женщин в общественную жизнь растет, к примеру, создаются женские комитеты на предприятиях.

Клубы и бабы — все так же прерогатива мужчин, хотя и эта эксклюзивность находится под угрозой. устоявшийся порядок гендерных отношений, сформировавший половое разделение труда на сегодняшнем рынке, стоит на пороге перемен.

Промышленность за городской чертой?

Общественно-экономический строй в Фенсе практически не претерпел изменений: землевладельцы эксплуатируют мужчин и женщин, в то время как мужчины эксплуатируют женщин. Бригадный характер работ также не изменился, и появление машин на — все так же женский труд в поле мало повлиял — выращивание цветов, сельдерея и свеклы все также требовало ручной работы. Работа у женщин по-прежнему сезонная, тогда как у мужчин — годовые контракты. Работникам гарантировано постоянство занятости и оклада, они пользуются сельскохозяйственной техникой, и имеют все превосходства работы на полную ставку.

Тем не менее некоторые перемены все же были — активная застройка в регионе привела к индустриализации, появились фабрики, где женщины — желанная рабочая сила. Однако работа на фабриках подходила далеко не всем — приходилось ездить в города, куда путь из деревни — совсем не близкий. Общественный транспорт, если и был, ходил редко, и чуть ли не единственным способом добраться до работы был велосипед. При этом женщины никак не могли избежать домашней работы, и далеко не каждая женщина имела возможность надолго покинуть свой дом.

Так, внутрисемейные отношения практически не менялись, и консервативность деревни до сих пор была определяющей. Такие явления, как разводы, левые политические инициативы и проявления женской независимости существовали лишь в порядке исключения.

Проблемы регионов и женская занятость

Ланкашир, в отличие от прочих регионов, испытал спад женской занятости, так как он не представлял для государства никакого интереса для развития. Новая промышленность не пришла в регион: правительство закрывало глаза на проблемы женской занятости, а также отсутствие общего экономического спада не дали региону получить поддержку, и интереса у предприятий в его развитии не возникло.

В то же время высокая доля женщин на рынке труда по-прежнему были характерны для Ланкашира. Кэйт Перселл, исследовавшая Стокпорт в 1970-ых, пишет: «Совершенно ясно, что устоявшиеся традиции женского труда и текущие экономическое развитие влияет не только на активность женщин на рынке труда, но и их отношение к занятости и ее восприятие. В Стокпорте,

где доля работающих замужних женщин и всегда была высокой, и составляет 45%, опрашиваемые относились к своей работе как к норме и необходимости. В то же время в Халле, где присутствие женщин на бирже труда началось относительно недавно и где выше доля безработных мужчин, чаще отзывались о своей работе как о чем-то случайном.» [9]

Таким образом, женщины в Ланкашире не стали более независимыми, напротив, местами женской независимости стало меньше. Общество не беспокоится о женской безработице: ведь лишившись оплачиваемой работы, они всегда могут вернуться к другой — домашней и не оплачиваемой.

Хакни: по-прежнему исключая женщин

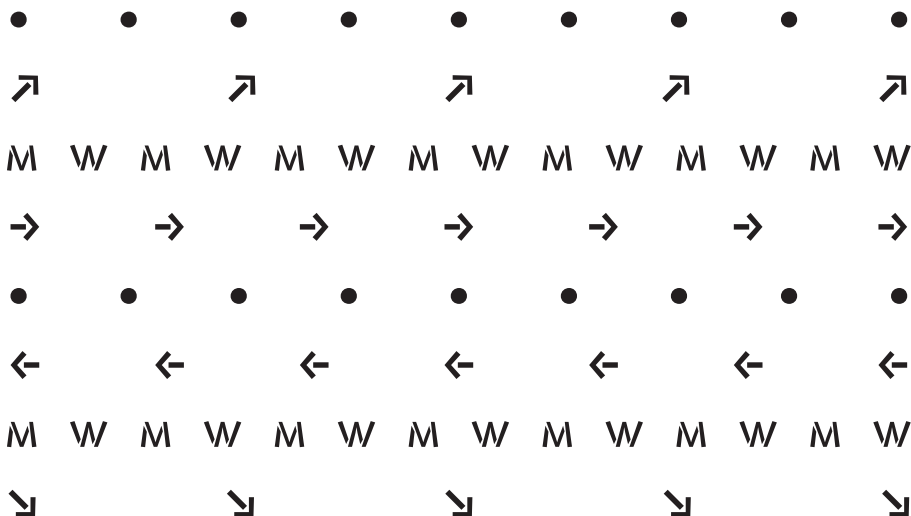
В Хакни прежние устои, связанные с эксплуатацией и подчинением женщин, лишь усилились. По аналогии с Фенсом и Даремом, капитал заинтересован в женском труде — женщины также представляют собой дешевую рабочую силу, точно так же они дезорганизованы: менее 10% работниц состоят в профсоюзах. Сама по себе работа на дому оказалась менее востребована — все крупные швейные предприятия перенесли производство на окраины, либо вовсе вывезли производство из страны. Работа в сфере услуг стала вытеснять домашнее швейное дело, хотя не все могли себе позволить такую работу. Многие женщины были привязаны к дому, не имея возможности оставить детей и хозяйство. Нельзя забывать и о социальной стороне работы на дому: не отлучаясь от дома, женщина остается исключенной из общественной и политической жизни, лишена возможности заводить друзей, и иметь личное пространство вообще. На фоне растущей конкуренции с импортной швейной продукцией, условия работы на дому резко ухудшились.

Мэри, англичанка сорока пяти лет с детьми-подростками, так описывает свои тяготы: «Я работаю за машинкой с пятнадцати лет, и за тридцатилетний опыт работы я наловчилась обращаться с ней довольно быстро, но работать мне приходится вдвое усерднее, чтобы хоть что-то заработать. Чуть ли ни губернаторы умоляли взяться за работу, если им позарез нужен был пошив, но теперь на коленях никто не ползает. Теперь, либо ты берешься за любую работу, либо у тебя нет работы вообще, а если попробуешь поторговаться — они всегда могут найти кого-то еще. Это одно сплошное надувательство. Три года назад мы получали 35–40 пенсов за блузку, а сейчас лишь 15–20 пенсов... Раньше я справлялась со всей работой часов за пять, а теперь на работу уходит от десяти до двенадцати часов. Детки спрашивают, мол, мамка, что же ты тут сидишь так долго, а я отвечаю, что если не буду сидеть, то мне вас будет не на что кормить. Хотя по воскресеньям я не работаю, надо же думать о шуме... Я сижу весь день в шкафу — моя машинка стоит в шкафу — это такая коробочка метр на метр без окон. У меня постоянно болят плечи. Сейчас мне нужно сделать кучу юбок, надо успеть сделать 16 за час, чтобы заработать 1,75 фунта, а это значит, — между каждой юбкой и секунды не передохнуть, даже чашечку чая не сделать. С таким напряжением под конец дня будешь орать

как резанный. Без успокоительных я бы не справилась. Время проводить со мной не сахар. Когда я могла терпеть своих подростков с их переходным периодом, теперь уже меня на это не хватает, я никак не могу им помочь – неплохо бы, чтобы меня кто-нибудь, в конце концов, выручил.» [10]

Личный опыт этой женщины, ее изнуряющая работа и проблемы в семье – все это отражает новое пространственное разделение труда в международном масштабе. Так, предшествующий опыт экономической и общественной организации повлиял на формирование имеющейся ситуации на рынке труда и в сфере семейной и общественной жизни женщин в отдельно взятом районе Лондона.

[1] Webb, S. (1921) *The Story of the Durham Miners*, Fabian Society, London.
 [2] Frankenberg, R. (1976) "In the production of their lives, man (?)... sex and gender in British community studies", pp. 25–51 in D.L. Barker and A. Allen (eds.),
 [3] Strong Words Collective (1977) "Hello, Are You Working". Erdesdun Publications, Whitley Bay.
 [4] Alexander, S. (1982) "Women's work in nineteenth-century London: a study of the years 1820–50", pp. 30–40 in E. Whitelegg et al. (eds.), *The Changing Experience of Women*, Martin Robertson, Oxford.
 [5] Ibid, p. 33
 [6] Hall, C. (1982) "The home turned upside down? The working class family in cotton textiles 1780–1850", in E. Whitelegg et al. (eds.), *The Changing Experience of Women*, Martin Robertson, Oxford.
 [7] Ibid, p. 24
 [8] Liddington, J. (1979) "Women cotton workers and the suffrage campaign: the radical suffragists in Lancashire, 1893–1914", pp. 64–97, in S. Burman (ed.), *Fit Work for Women*, Groom Helm, London.
 [9] Purcell, K. (1979) "Militancy and acquiescence amongst women workers", pp. 98–111, in S. Burman (ed.), *Fit Work for Women*, Croom Helm, London.
 [10] Harrison, P. (1983) *Inside the Inner City*, Penguin, Harmondsworth.

Маша Гончарова Мамой в город!

Передвижение с младенцем по городу совсем не отличается от того, как вы обычно фланируете в одиночку. С одной лишь оговоркой — придется отказаться от коляски, совсем. Для меня это не поставило никакой проблемы, потому что первый синоним коляски — антимобильность. К сожалению, Москву в отличие от Сочи не готовили к Параолимпиаде. Если рассуждать о безбарьерной среде, то наша столица никогда не придет в голову, как пример таковой. На самом деле, это очень чувствуется даже с велосипедом или самокатом. С коляской ситуация усугубляется еще и весом. Средняя (не «люлька» и не «трость») прогулочная коляска весит около десяти кг, ребенок в одежде прибавляет еще от четырех до, например, пятнадцати кг (момент, в который вы перестанете возить ребенка в коляске очень индивидуален). Если же вы решили спуститься в подземный переход с сумкой яблок в корзине коляски, то становится совсем тяжело. Конечно, кое-где службы ЖКХ положили рельсы, но часто их нет, зато есть никогда не работающий лифт для инвалидов и вот таких мам с колясками, как я.

Стоит упомянуть о специальной службе, которая недавно появилась в метро — Центр обеспечения мобильности пассажиров. Штука хорошая, но мой опыт оказался неудачным — когда у меня возникла потребность в этой услуге, все работники нужной мне станции были задействованы в помощи группе школьников. В этом лишь моя вина — на сайте Метрополитена есть предупреждение о том, что услугу нужно заказать предварительно по телефону. В том, что это действительно работает, я убедилась после восторженного рассказа подруги о том, как она с тремя детьми ехала в аэропорт и по преждевременной договоренности ее проводили до аэроэкспресса вежливые сотрудники, помогли нести коляску и чемоданы.

Какие же способы передвижения по городу с ребенком существуют при отсутствии коляски и машины (или нежелании ими пользоваться)? Я выбрала эрго-рюкзак и ни разу не пожалела. Это приспособление, смысл которого, как у слинга, только одевается и снимается он в несколько раз быстрее.

Если уж по городу вы перемещаетесь быстро и удобно, то обратимся к цели движения. Например, университет. Мне приходилось сдавать экзамен по предмету «Современная урбанистическая культура», экзамен длился час, ребенок половину этого времени проспал рядом, покормить грудью в процессе рассказа мне тоже удалось. Но это происходило не в учебном корпусе, а в кафе. Ну и тут уже как вам повезет с преподавателем. Мой опыт был положительным. Специально оборудованные комнаты для пеленания мне, честно говоря, пока не встречались ни в МГУ, ни в РГГУ, ни в уже упомянутой Вышке.

Визит в альмаматер с ребенком я все же совершила для чистоты эксперимента, хотя в этом и не было острой необходимости. В главный корпус я отправилась с эрго-рюкзаком, младенец был весел и бодр, спать не собирался. Я не могу сказать, что пока я ходила по зданию и заглядывала в разные кабинеты по делам, возникла какое-то непонимание со стороны сотрудников или же мне было некомфортно.

Я не могу судить о том, как складывались бы мои отношения с работой после родов, будь она не удаленной, так что гадать не буду. Я работаю из дома, все звонки совершаю в те моменты, когда ребенок либо спит, либо за ним приглядывает его папа.

Теперь коснемся более приятных тем, а именно отдыха и того, как проводить свободное время в городе после рождения ребенка. Не будем брать в расчет тех, кто пользуется услугами няни или бебиситтера. Мы, собравшись родить ребенка, условились на том, что никак свою жизнь менять не будем. Более-менее так и выходит.

С ребенком не стоит ходить куда-то, где играет очень громкая музыка или может произойти что-то неожиданное. Например, не стоит идти с малышом плясать на рейв в Арму или наслаждаться крафтом в Пивбар. Не стоит ходить и на вечеринки-открытия, где алкоголь льется рекой, стоит гвалт и большое количество пьяных людей ведет себя не адекватно. Куда же тогда податься? Вам будут рады в музеях и галереях, библиотеках и маркетах, можно сходить на публичную лекцию или мастер-класс. Никаких специально приспособленных мест для переодевания и мытья младенцев во всех вышеперечисленных локациях мне не встречалось, по крайней мере в тех из них, где мне доводилось бывать.

В рестораны и кафе можно и нужно ходить с малышом, прежде лишь удостоверившись, что там есть детский стульчик (редко, где нет). Детских комнат в ресторанах, как правило, нет, но можно переодеть и помыть своего малыша в туалете, использовав после мытья бумажные полотенца. Но это лишь в случае, если вы — аскет.

Путешествовать с ребенком очень здорово, потому что в аэропортах и на вокзалах есть такие волшебные места, как «Комната матери и ребенка». Там всегда есть пеленальный столик и раковина, иногда — диван, кровать, детский столик с игрушками и цветными карандашами, кулер и даже письменный стол. Если в аэропортах эти места юзают вполне активно, то на вокзалах создается впечатление, что об их существовании не знает даже охрана. Дерзайте и ищите. Так, оказавшись в здании адлерского вокзала, я из под каких-то дальних пластов своей памяти выудила фразу «В комнате матери и ребенка имеются свободные места. Комната матери и ребенка находится на втором этаже вокзала», и ринулась искать это помещение, плюнув на то, что слышала эту мантру на Курском вокзале в Москве. Комната была найдена, и ключ от нее нам вручила директрисса вокзала. Внутри вся мебель была в пленке. Так я поняла, что мы стали ее первыми пользователями.

Квиризируя Элла городское Россман пространство: размышления у пеленального стола.

В разговоре о создании пространств, безопасных и комфортных для женщин, мы можем упустить из виду огромное количество других угнетаемых групп граждан, «вытесняемых» (физически и репрезентативно) с городских улиц. Имеются в виду как люди с ненормативной сексуальностью,

так и граждане с более сложной комплексной идентичностью, не вписывающейся в рамки принятых внутри той или иной культуры норм и категорий.

Чтобы пояснить, о чем идет речь, приведу пример: представьте, что в женском туалете одного из банков вашего города силами фем-активисток — или просто по внезапной сознательности управляющих банком или муниципальных властей — были установлены пеленальные столики. «Мужское» пространство банка, ассоциирующееся с публичной сферой и деловым поведением (когда как «женское», ассоциирующееся в том числе с материнством, часто описывается в связи с приватной сферой, сферой «домашнего» и интимного), становится более доступным и комфортным для женщин с детьми.

Кажется, что справедливость достигнута и можно праздновать победу?

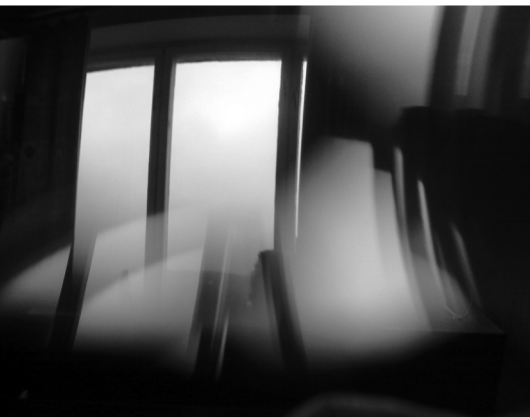
Представьте теперь, что столик решает воспользоваться транссексуалка MtF, также молодая мать, находящаяся в процессе «перехода» или перемены пола и потому еще сохраняющая очевидно «мужские» черты внешности. С большой долей уверенности мы можем сказать, что в нашем обществе появление такой женщины в любом публичном пространстве, не говоря уже о ее попытке воспользоваться пеленальным столиком, установленным в женском туалете, спровоцирует крупный скандал и возмущение со стороны публики, в том числе женской ее составляющей. Однако даже если дело будет происходить в стране, где население проявляет большую толерантность по отношению к трансгендерным людям, сам факт того, что столик установлен именно в женском туалете, может действовать угнетающе на человека, не мыслящего себя внутри бинарностей гендера, либо не достигшего пока желаемой женской идентичности.

Я специально привела яркий пример, далекий от повседневного опыта большинства россиян, но зато позволяющий отчетливо продемонстрировать главную мысль этого эссе: обустройство мест, позволяющих женщинам более активно проявлять себя в городе, зачастую не снимает — а иногда и усиливает — пространственное угнетение иных групп граждан, для которых публичная сфера по-прежнему остается закрытой и некомфортной.

Возможно ли учесть все варианты идентичностей при планировании городских пространств? И можем ли мы говорить о некоем конечном числе этих идентичностей при попытке учесть их все? Если нет, то какие действия необходимо предпринять, чтобы создать среду, подходящую для людей с самым разным самопониманием и самоопределением? Этими вопросами задаются исследователи, занимающиеся новой областью гуманитарного знания, которую мы (с оглядкой на ряд статей и на установку на неологизмы, проявившуюся в названии секции, в рамках которого выходит этот зин) можем назвать «квир-географией». О ней я хочу немного рассказать в моем эссе.

То, что мы называем «квир-географией» — это междисциплинарная область, сформировавшаяся на стыке критической политической географии, исследований городских пространств — и квир-теории. Один из центральных терминов квир-географии — «квир-пространство» («*queer space*»). Содержание этого понятия может показаться интуитивно доступным, однако на самом деле оно включает в себя ряд противоречий, которые являются темой для дискуссий и в большой степени затормаживают практическое применение принципов, выработанных внутри области (до конца еще, надо отметить, в дисциплину не оформившейся и не институционализировавшейся).

Чтобы можно было понять, в чем сущность дискуссии вокруг термина «квир-пространство», предлагаю рассмотреть то, что по мнению канадской исследовательницы Натали Освин (Natalie Oswin) [1], таким пространством точно не является.

Натали Освин отмечает, что на протяжении уже более двадцати лет термин «квир-пространство» использовался в литературе исключительно в описании мест, предназначенных для досуга или активизма геев и лесбиянок. Такое пространство противопоставляется условно «гетеросексуальному» и описывается как, во первых, предназначенное исключительно для двух этих групп горожан, и во-вторых, различаемое этими группами граждан в качестве предназначенного для них.

Определение не выдерживает самой элементарной критики, например, при обращении к нему возникает вопрос, почему мы используем исключительно сексуальность как основной параметр для маркирования места. Наконец, даже концентрируясь на этой категории, невозможно уйти от дискуссии о нестабильности сексуальной субъективности (как, впрочем, и гендерной), что делает идею о некоем устойчиво-«гомосексуальном» пространстве (и устойчиво распознаваемом как «гомосексуальное» месте) как минимум проблематичной.

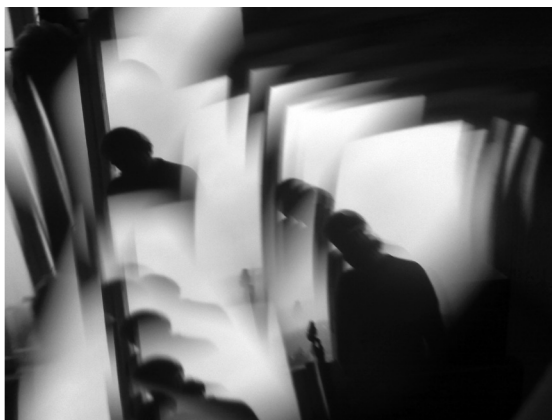
Другой момент в описании «квир-пространства», на котором останавливается Освин, касается метафор, используемых для маркирования подобного места. Освин согласна с большинством исследователей в том, что пространства изначально не имеют сексуальной (или любой другой) идентичности, места производятся — и «гетеросексуализируются» (или «гомосексуализируются») посредством разного рода практик. При этом в описании этого процесса «-зации» исследователи и активисты зачастую обращаются к военной метафорике: они говорят об «оккупации», «завоевании», «борьбе за». Опасность этой метафорики заключается в том, что она несет в себе принцип исключения (тех или иных идентичностей в т.ч.): когда мы говорим о «борьбе с», мы предполагаем, что ряд установившихся «-заций» должен быть «поборен», это враг, которого необходимо вытеснить за пределы видимости, установив (раз и навсегда?) свою собственную, «верную» или «хорошую» «-зацию».

Последнее напрямую связано со следующим пунктом: проблематична, по мнению Освин, тенденция описывать «квир-пространства» исключительно как «диссидентские», «прогрессивные», т.е. подчеркнуто «привилегированные» по отношению к «не-квир» (под последними, как уже говорилось, обычно понимаются пространства для людей с гетеросексуальной идентичностью). Такое «возвеличивания» всего «негетеросексуального» опасно еще и потому, что уводит из зоны видимости исследователя проблему создания новой нормативности (не только в плане сексуальной ориентации) внутри

пространств, позиционирующих себя как «квир». Именно это постоянное создание и воссоздание нормативностей, «преследующее» пространства и людей, стремящихся к преодолению стесняющих их норм, по мнению Освин, и является центральной точкой в дискуссии.

Какой подход предлагает исследовательница, говоря о «queer space»? Однозначно деконструктивистский. «Квир-пространство» по Освин — это место, где происходит постоянная деконструкция установившихся норм — и вместе с тем расширение постоянно ограничиваемого набора идентичностей, для носителей которых пространство предназначается. «Текущее пространство» queer — неустойчиво, принципиально не фиксируемо, не имеет никакой однозначной аудитории (и потому, добавим мы, несовместимо с капиталистическими отношениями, внутри которых всегда идет расчет на определенную целевую группу; это значит: «забудьте о гей-барах»). В таком пространстве предлагаемая «квир-идентичность» (не как одна из набора идентичностей, а как идентичность «без идентичности», без фиксируемого образа) рассматривается не только в категориях гендера или сексуальности, она включает и иные понятия (класс, социальная группа, этническая принадлежность, политическая позиция и все, что еще угодно и важно). «Queer space» — это (в идеале) не поле боя, а пространство мирного изменчивого сосуществования, где в каждую секунду рождается и перерождается новое — странное и удивительное.

Как может выглядеть описанное пространство и как оно может включаться в практическую, повседневную жизнь людей? Ведь многие элементы, обеспечивающие комфорт горожан, так или иначе заточены под принцип исключения, позволяющий определить аудиторию, для которой предназначается объект, призванный облегчать чью-то жизнь. Я думаю, это вопрос для дальнейшего размышления — и новая интересная задача для тех, кто хочет создавать удобный и дружелюбный город, который одновременно с этим мог бы стать городом без предрассудков.

[1] См. статью Oswin, N. (2008) Critical geographies and the uses of sexuality: Deconstructing queer space // Progress in Human Geography, №32(1). P. 89–103.

фотографии: Анна Мигина

+ инструкции
ИНИЦИАТИВЫ

Борьба с сексистской рекламой:

Инструкция от РФО «ОНА» (<http://ona.org.ru/>):

Что делать, когда вижу сексизм? Отвечаем на вопросы, которые нам часто задают в связи с кампанией «ПозорСексистам». Как действовать, если вы столкнулись с сексизмом в публичном пространстве?

→ Присылайте нам фотографии, скриншоты, ссылки, описания — мы обязательно опубликуем, предадим информацию огласке на множестве площадок, индексируемых поисковыми системами. Можно на электронную почту (feminism4everyone@gmail.com).

→ Отправляйте информацию в другие популярные феминистские сообщества и группы, призывайте как можно большее число феминисток подключаться к кампании.

→ Публикуйте описания подобных случаев на своих страницах и в своих блогах, объясняйте близким и знакомым, как в Сети, так и в личных беседах, почему это плохо.

Как можно на практике противостоять случаям сексизма?

→ Информировуйте как можно большее число людей (знакомых и незнакомых), чётко и подробно объясняя, в чём суть проблемы.

→ Бойкотируйте товары/услуги компаний/людей, позволяющих себе дискриминацию, и призывайте поступать так же окружающих — если это станет массовым явлением, то ударит по их прибылям.

→ Придумывайте способы ухудшения имиджа компаний/людей, считающих нормальными подобные практики. Однако будьте осторожны, потому что чёрный пиар — это тоже пиар, и наши действия, если тщательно их не продумывать, могут лишь прибавить популярности критикуемому бренду, особенно, в глазах консервативно/патриархально настроенной части общества.

→ Пишите возмущённые жалобы руководству компании, владельцам бизнеса. Если речь об иностранной фирме, то можно информировать штаб-квартиру — возможно, они не в курсе подобной самостоятельности своего российского филиала.

→ Можно написать жалобу в Роспотребнадзор (<http://rosпотребнадзор.ru/feedback/new.php>), если речь идёт о недостоверной рекламе. По поводу нарушения закона «О рекламе» (а унижение по признаку пола как раз нарушает данный закон) следует обращаться в Федеральную антимонопольную службу (<http://www.fas.gov.ru/citizens/feedback/>).

Образцы заявлений в ФАС:

1. По делу «Альфа». Вариант 1 от Катерины :

<https://dl.dropbox.com/s/1mawy8evc8sjdm/fas-1.doc>

2. По делу «Альфа». Вариант 2 от Дины:

<https://dl.dropbox.com/s/pegqhbvbn403yid/fas-2.odt>

3. По делу Highscreen: <http://feministki.livejournal.com/3392173.html>

→ Наконец, самые смелые могут придумывать и проводить эффективные акции прямого действия. Например, сообщать сексистам, что они сексисты, перед большим скоплением телекамер. Желательно в такой форме, чтобы это затем не было представлено как «безумная акция проплаченных феминисток», а сторонняя аудитория поняла, что именно и почему вас возмутило.

Делайте всё, что может оказаться эффективным, проверяйте на практике, какие методы борьбы с сексистами работают, а какие являются скорее пустой тратой времени и сил.

Освещение и безопасность:

Совет от работника префектуры: Как сделать улицы безопаснее с помощью онлайн-сервисов правительства Москвы?

На портал «Наш город» нельзя просто написать, нужно выбрать тему из существующих (<http://gorod.mos.ru/?show=info>), причем выбирать нужно очень точно и пользоваться правилом «одна проблема — одно обращение». Чтобы внести ясность, объясню схему поступления обращений. К примеру, идешь ты вечером и видишь, что фонари не горят. Самое важное для быстрого решения — грамотная фотография неисправности фонаря, т.к. специалисты, исправляющие проблему должны сделать фото с того же места. Далее на портале находим эту тему (<http://gorod.mos.ru/?show=info&do=theme&theme..>) и, точно выбирая адрес и точку на карте, а также подгружая пару фотографий, пишем незатейливое «Во дворе темно, не горит фонарь (фонари). Исправьте, пожалуйста!». Далее это уходит на модерацию. Цель модератора пресечь любые попытки отклониться от темы. Например, если ты напишешь, что во дворе не хватает фонарей, это не к ним. Это отфильтруется и пойдет обычным письмом со сроком ответа 30 дней, такие письма лучше писать не через портал, на сайте Правительства города есть все варианты (<http://www.mos.ru/about/infographics/feedback/>).

Портал «Наш город» — действенный способ исправить легкий недостаток в существующем положении дел, указать, что нужно починить фонарь, убрать снег или залатать яму на дороге. С момента отправки обращения на сайт, после утверждения модератором (сутки примерно), у управы есть неделя, чтобы подготовить ответ, т.е. еще через день-два твоим вопросом начнут заниматься. И еще раз, главные принципы для портала: информативные фотографии и четкое соответствие теме. Ну и неплохо бы каждому горожанину этот список тем просто просмотреть.

MomsOut: мамы по соседству

#мамыпососедству

«MomsOut: мамы по соседству» — это движение, объединяющее около 300 московских мам, которые хотели бы найти себе друзей и партнеров по присмотру за детьми в своем районе. Не секрет, что материнство в большом городе часто выбрасывает молодую маму из привычной социальной среды: становится сложнее выбираться в разные части города, тусоваться допоздна. Родственники, которые могут посидеть с ребенком, часто также живут далеко, а услуги нянь и бейбиситтеров — это минимум плюс 1000 рублей к любому походу в кино или ресторан вдвоем.

«Мамы по соседству» продвигают идею совместного присмотра за детьми среди мам, живущих рядом. Мамы, достаточно хорошо знающие друг друга (по детской площадке, детскому саду, школе) и чьим детям нравится друг с другом общаться, могут образовать кооператив и по очереди оставлять детей друг с другом. Основное правило кооператива: один час с одним ребенком приравнивается к одному баллу, участницы кооператива накапливают и тратят баллы. Можно по очереди ходить в кино, в гости и даже уезжать на выходные. При этом дети будут проводить время за игрой в компании друзей.

Подробная информация, а так же принципы построения кооператива находится в группе в фейсбуке: <https://www.facebook.com/groups/momsout/>
Инициатива открыта для новых участниц.

#momsout

над выпуском работали:

концепция — Ульяна Быченкова, Александра Талавер;
дизайнерка — Ульяна Быченкова;
редакторка — Александра Талавер.

#женскаяисторическаяночь

#antiflirtclub

#takebackthenight

#womenhistoricnight

#братзасестру

#momsout

#мамыпососедству

#вернёмсебеночь

#гендерлект

#radagainstsexism

#антифлиртклуб

#hollaback

#pegovorisonnoi

#центробеспечениямобильностипассажиров

#walkamileinhershoes

#нашгород

#позорсексистам

#большечемтело

#aufschrei

...

↖ ↖ ↖ ↖ ↖

● ● ● ● ● ● ● ● ●

→ → → → → → →

← ← ← ← ← ← ←

→ → → → → → →

...

↖ ↖ ↖ ↖ ↖

●

↗ ↗ ↗ ↗ ↗

...

← ← ← ← ← ← ←

→ → → → → → →

← ← ← ← ← ← ←

● ● ● ● ● ● ● ● ●

↗ ↗ ↗ ↗ ↗

...

